

Отзыв официального оппонента

доктора исторических наук, доцента, профессора кафедры всеобщей и публичной истории ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» Шмелева Дмитрия Викторовича на диссертацию Роговцевой Александры Сергеевны «Контркультурный протест “долгих шестидесятых” в США как национальный и трансатлантический феномен», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история

Изучение социокультурной истории Америки и Европы является одним из важных направлений современной историографии, учитывая роль и место социальных и культурных процессов в формировании современной западной ментальности и картины мира. В многочисленных работах российских и зарубежных специалистов анализируются различные проблемы истории возникновения и эволюции контркультуры, конформизма и нонконформизма, конкретных проявлений протеста в повседневной и общественно-политической жизни стран Европы и Америки.

В своем диссертационном исследовании А.С. Роговцева предприняла исследование контркультурного протеста «долгих шестидесятых» в США как национального и трансатлантического феномена, поскольку, по ее словам, для данного исторического периода было характерно нарастание молодежного протеста, нашедшего свое выражение не только в движении «Новых левых», избравших в качестве метода политический активизм, но и в контркультурном движении, участники которого стремились создать альтернативное общество вне рамок официальных норм и ценностей посредством протестных поведенческих практик. Согласно автору, представители контркультуры заложили основу для последующих преобразований в сфере гендерных отношений, экологии, свободы самовыражения в творчестве и повседневной жизни (С. 3). Несмотря на большое количество опубликованных исследований, тема, как мы видим, остается востребованной, а наличие разнообразных источников и постепенно открывающихся архивов (многие из которых еще ждут своего исследователя) дает возможность глубокого изучения ее аспектов. Следовательно, диссертация посвящена актуальной и находящейся в процессе активного изучения проблеме.

В поле зрения автора диссертации оказались несколько ключевых аспектов глобальной исследовательской проблемы. Во-первых, «долгие шестидесятые» как уникальный исторический этап, охватывающий конец 1950-х – начало 1970-х годов, когда на Западе произошли значительные социальные, экономические, политические и культурные изменения. Этот период был отмечен массовыми протестами против войны во Вьетнаме,

движением за гражданские права, феминистским движением и возникновением новых культурных форм выражения. Изучение явлений эпохи позволяет глубже понять механизмы произошедших социальных изменений и трансформации общественного сознания. Во-вторых, утверждение, что контркультурный протест имеет ярко выраженные трансатлантические аспекты. Он не ограничивался только американскими границами, но находил отклик в Европе и других регионах мира. Важным в этом контексте является изучение влияния американской контркультуры на европейские движения и наоборот, что позволяет выявить общие тенденции и различия в протестных практиках западноевропейских обществ. Это исследование способствует более глубокому пониманию глобальных процессов, связанных с выстраиванием культурной и политической идентичности современного Запада. В-третьих, анализ контркультурного протеста «долгих шестидесятых» в рамках современных дискуссий о социальной справедливости, правах человека и гражданских и индивидуальных свободах. Понимание исторических корней этих проблем может помочь в разработке более эффективных подходов к их решению в современном обществе.

А.С. Роговцева считает, что конформистское общество в США использовало образ контркультуры как «внутреннего Другого» для закрепления доминирующей идентичности в качестве «нормальной», патриотичной и социально приемлемой. По ее мнению, будучи целостной системой с характерной для нее идентичностью американская контркультура формировалась на основе выработанных «элитой» нормативно-ценностных установок и особой поведенческой эстетики. В отличие от «новых левых» представители американских контркультурных движений смещали фокус протеста с политического активизма к протестным поведенческим практикам в повседневной жизни, с коллективного и массового на субъективное и внутриличностное, оказывая тем самым влияние на эволюцию форм репрезентации протеста в целом и внося свой вклад в эволюцию культуры реформизма в национальном и трансатлантическом контекстах. Получается, что американо-британский контркультурный протестный дискурс формировался благодаря взаимодействию индивидуальных и коллективных акторов, объединенных формальными и неформальными связями в единую сеть, а контркультурные идеи при этом не оставались статичными, изменяясь в зависимости от национального и инационального контекста и конкретного участника. В то время как американская контркультурная «элита» стремилась к созданию альтернативной повседневности в качестве формы протеста, представители британского андеграунда действовали в логике выборочного неприятия доминировавшей культуры большинства. Поэтому в результате культурной переработки в британском обществе были восприняты лишь нейтральные аспекты американской контркультуры в качестве продукта трансфера, например, стиль и музыка, поскольку сама контркультура как целостная альтернативная система оказалась уникальным национальным опытом США (С. 50-51). Указанные обстоятельства, по мнению автора,

составляют научную новизну диссертационного исследования, с чем можно согласиться.

В диссертации четко сформулированы исследовательские задачи, которые автор пытается решить на основе привлечения и изучения широкого источниковедческого и исследовательского материалов (С. 27). Диссертация А.С. Роговцевой имеет логичную структуру, строится на основе междисциплинарных методов. По словам автора, она «опирается на общенаучные методы анализа в сочетании с историко-описательными методами и принципом историзма, что позволяет рассматривать контркультуру в историческом контексте эпохи «долгих шестидесятых». Конструктивистский подход «дает возможность интерпретировать контркультуру как систему со своими внутренними правилами, структурами и механизмами воспроизводства смыслов» (С. 37-38). Логичны хронологические рамки диссертации.

Выполнению поставленной цели способствовал использованный в работе обширный и разнообразный комплекс источников, представленных несколькими основными видами, а также большой массив исследовательской литературы. Особое внимание автор уделяет источникам личного происхождения, публицистике и работам современников, периодической печати и художественным произведениям, которые обильно цитируются в диссертации. Также автором были использованы источники официального происхождения, статистические и аудиовизуальные материалы. В целом, источниковая база диссертации достаточно репрезентативна.

В диссертации присутствует качественный историографический обзор российской и зарубежной исследовательской литературы, который отражает степень изученности заявленной проблематики, характеризует круг охвата автором диссертации специальной литературы, выделяет вклад отдельных ученых, а также намечает перспективы дальнейших научных исследований.

В *первой главе* диссертации ее автор рассматривает американские контркультурные движения как гибкую социокультурную систему, способную трансформироваться в различных условиях. Это подразумевает изучение прежде всего исторического контекста американского контркультурного протеста 1950-х – 1960-х гг., в том числе выявление предпосылок формирования молодежной «отчужденности» в условиях внутренних и внешних вызовов, а также изучение индивидуальных психологических характеристик, обусловленных детским и семейным опытом, а также реакцией на доминирующую в обществе систему социальных ожиданий и норм. На основе проведенного анализа автор диссертации выявляет предпосылки недовольства и протестных настроений, оказавших влияние на формирование контркультурного движения в конкретном историческом контексте (С. 54-55).

Еще одним важным аспектом, представленным в первой главе, стали феномены битников и хиппи. В первом случае основное внимание автора фокусировалось на протесте маргинальных интеллектуалов против канонів писательского творчества, а также роли литературы как формы сублимации жизненного опыта конкретного автора. По мнению А.С. Роговцевой, на

социально-поведенческом уровне их «новое видение» проявлялось в виде протеста против конформистского общества в целом, выразившегося в пересмотре отношения к вопросам сексуальности, семьи, войны, употребления психоактивных веществ, а также духовному поиску, включавшему интерес к восточным практикам (С. 98; 152-153). Во втором случае объектом анализа стали представления хиппи об идеальном обществе, изложенные на страницах газеты "San-Francisco Oracle". Автор диссертации считает, что утопический проект хиппи предполагал создание альтернативной модели социального устройства, основанной на принципах коллективного существования и являющейся неким подобием «некоммерческой религиозной организации» (запатентованные религиозные практики и государственная защита). Эти идеи способствовали появлению новых повседневных практик социального и духовного поиска: в экономической сфере – отказ от денег и возвращение к системе обмена, что получило развитие в деятельности коммуны «Диггеров»; в социальной – коммунальный образ жизни и «свободная любовь»; в религиозно-духовной – интерес к альтернативному религиозному опыту и использование психоделиков (С. 116, 131). При этом, по мнению автора диссертации, в идейных установках хиппи прослеживалась прямая преемственность с ценностными ориентирами бит-поколения, но в более радикальном варианте (С. 130).

Наконец, в главе нашлось место реакции конформистского общества на контркультурные движения в США. А.С. Роговцева ставит задачей проследить ответные реакции на контркультурный протест на трех уровнях – семейном, медийном и государственном, что позволило, по ее мнению, выявить, каким образом в процессе противостояния с контркультурой формировалась собственная идентичность конформистского большинства. Автор диссертации приходит к выводу, что «уровень негативного отношения со стороны общества находился в прямой зависимости от возраста участников и масштаба вызова, который они бросали господствующим ценностям. Если битники, несмотря на свою маргинальность, воспринимались преимущественно как литературное и художественное движение, то хиппи, радикализировавшие протест и затронувшие более широкий спектр общественных институтов, вызвали значительно более жесткую реакцию» (С.151-152). В целом, хотелось бы отметить, что представленный в главе анализ и выводы, сделанные по его результатам (С. 152-154), возражений не вызывают.

Во *второй главе* автором освещается британский андеграунд как объект трансатлантического контркультурного трансфера. Вначале, по традиции, А.С. Роговцева предлагает исторический контекст послевоенной Великобритании: особенности социально-экономического развития во второй половине 1940-х – 1950-х гг., делая акцент на конфликте поколений. В качестве методологической основы ею была использована теория об «изобилии», «консенсусе» и «обуржуазивании», примененная к британскому андеграунду в целом (С. 156). По мнению автора диссертации, это позволило выявить и охарактеризовать коллективные и индивидуальные факторы, обусловившие «отчужденность» британской молодежи и оказавшие влияние на

формирование британского андеграунда. Отдельно автор диссертации рассматривает литературное движение «разгневанных молодых людей», которое, по ее словам, вписано в контекст внутреннего деления британского андеграунда на «национальный» и «трансатлантический» уровни. А.С. Роговцева считает, что достигнув определенной степени признания в обществе, представители этого движения по большей части прекращали выражать свое несогласие с существующим порядком вещей, а в конечном итоге, их протест был направлен не на трансформацию системы, а на улучшение собственных социальных и культурных условий в ее рамках. По ее словам, «движение «разгневанных молодых людей» иллюстрирует двойственную природу андеграунда: с одной стороны, их творчество отразило обостренное чувство отчужденности и кризис идентичности послевоенной интеллектуальной молодежи; с другой – движение не обладало внутренним единством и возникло скорее как медиаконструкция, навязанная журналистами. Несмотря на это, их критика конформизма, материализма и классовой структуры легла в основу ценностной базы более поздних британских андеграундных течений» (С. 208). Другой важной проблемой стало изучение тедди-боев в контексте формирования андеграунда. Автор диссертации считает его примером массового молодежного андеграундного протеста, подтверждавшего свой статус специфической визуальной и поведенческой идентичностью. Тем не менее, проанализировав проблему, она делает вывод, что несмотря на то, что тедди-боев нельзя в полной мере отнести к контркультуре, они, стали важной частью британской андеграундной сцены 1950-х гг. и заложили предпосылки для ее последующей трансформации: «Тедди-бои стали первой молодежной культурой «долгих шестидесятых», которая эстетизировала «отчужденность», объединяя элементы британской аристократической моды, американской поп-культуры и криминальной жестокости. Их движение возникло стихийно, а коды принадлежности не подвергались осмысленной теоретизации. Однако с ростом влияния американской контркультуры и изменениями в массовой культуре, начавшимися в 1960-е гг., роль тедди-боев стала угасать» (С. 200). Завершает главу, так же, как и в случае с США, анализ британского конформистского ответа на андеграундный протест. Общий лейтмотив автора диссертации состоит в следующем: как и в США, степень маргинализации напрямую зависела от возраста участников движения и способа выражения протеста (С. 202-208).

В *третьей главе* представлен коллективный портрет представителей контркультурных движений в США и Великобритании во второй половине 1950-х – начале 1970-х гг. Автор диссертации показывает, какие идеи американской контркультуры были восприняты в Великобритании и в какой форме состоялось заимствование с учетом местных условий, а также уже существовавших андеграундных движений. Анализ А.С. Роговцевой сосредоточен на изучении не только процесса адаптации американских идей в Великобритании, но и их культурной переработки. В результате чего, по мнению автора, британский контркультурный протест приобрел эстетические

и визуальные формы, нашедшие выражение в новых стилях одежды и музыки, а отторжение американского опыта выразилось в возвращении к британским национальным символам и движениям (С. 211-212). Автор считает, что ключевая для американской контркультуры практика повседневного протеста как «выпадение» из системы (“dropping out”) не получила распространение в Великобритании в силу национальных особенностей развития (С. 213). Автор также показывает, как идеи и практики контркультурного протеста распространялись внутри и за пределами США через контакты акторов – писателей, музыкантов, художников, и через различные организации и мероприятия. Это позволило автору диссертации представить основные каналы трансфера, а также смоделировать сеть участников, вовлеченных в формирование общего трансатлантического контркультурного пространства.

На основе проведенного сетевого анализа А.С. Роговцева предложила периодизацию развития американского контркультурного движения: «нью-йоркский» период (1943–1954 гг.), связанный с формированием первой элиты битников и зарождением философии контркультуры; «сан-францисский» период (1954–1964 гг.), который характеризовался ростом влияния битников, расширением сети акторов и выходом хиппи-сообщества на первый план; «трансатлантический» период (вторая половина 1960-х гг. – 1973 г.), когда идеи и практики американских контркультур стали активно восприниматься за пределами США – в Великобритании и других странах Западной Европы (С. 228-229).

Наконец, в завершающем параграфе третьей главы автор диссертации пытается выявить основные тенденции в современном прочтении контркультурного наследия. Особое внимание уделяется двойственности его восприятия: с одной стороны, как считает автор, образ хиппи по-прежнему маргинализирован, с другой – отдельные практики, ранее считавшиеся радикальными, интегрировались в повседневную жизнь (С. 258). Представленные данные и выводы, сделанные по итогам анализа, произведенного в данной главе, в целом отражают общую картину эволюции контркультурного движения в США и Великобритании.

В то же время, положительно оценивая данное диссертационное исследование, хотелось бы обратить внимание на некоторые моменты, которые требуют дополнительного разъяснения.

В тексте диссертации А.С. Роговцева фактически смешивает понятия нонконформизма и контркультуры, делая их взаимосвязанными и неразрывными. Действительно, нонконформизм и контркультура – два термина, которые часто используются вместе, однако они имеют разные значения и контексты употребления в контексте европейской и американской истории. Иногда нонконформисты становятся частью контркультурных движений, внося вклад в формирование новых культурных течений и направлений искусства. Иногда нонконформизм существует сам по себе. Нонконформизм и контркультура относятся к разным уровням социальной активности: первый – во многом личностный уровень, второй – общественный масштаб. Определения, соотнесения или разведения этих понятий

применительно к описываемой эпохе и исследуемым явлениям, на мой взгляд, автору диссертации не хватило. Отсюда, кстати, и упрощенное понимание конформизма, сведенного в тексте диссертации к семье, обществу и государству, и его реакции на контркультуры («целью большинства публикаций было формирование негативного отношения старшего поколения к контркультуре и предостережение молодежи от участия в подобных движениях», с. 147)

Кроме того, автору диссертации стоило бы уделить больше внимания критическому осмыслению представленных идей. А.С. Роговцева, по сути, очевидно увлекаясь феноменом контркультуры, оперирует материалом, исходящим либо от самих ее участников, либо от журналистов и публицистов, непосредственно вовлеченных в процессы, как правило, симпатизирующих им. Отсюда, например, несколько преувеличенное представление о массовости явления, преувеличение его значимости для эпохи.

На мой взгляд, диссертации не хватает более глубокого политического и исторического контекста. Культурная история – это, безусловно, хорошо, но нельзя все же забывать о политике, общественных настроениях и т.п. Они в диссертации упоминаются бегло. В этом плане упрек автора российской историографии в доминировании политического измерения не совсем правомерен (С. 13), поскольку без него не обойтись. Например, фоном в тексте присутствуют «новые левые», но почти нет пояснений о характере их взаимоотношений с представителями контркультуры. Утверждается, будто бы политическая активность была уделом исключительно «новых левых», а сторонники контркультуры выбирали лишь личный протест. Тогда получается, что это два совершенно изолированных феномена?

Утверждение, что американская контркультура оказалась понятной британской молодежи только в виде эстетического направления, выглядит слишком категоричным. Например, британский панк, возникший позже, имел много общего с первоначальной идеей американского контркультурного бунтарства.

Высказанные замечания носят рекомендательный характер, не опровергают основные положения и выводы работы и не влияют на ее общую высокую положительную оценку. Диссертация А.С. Роговцевой представляется самостоятельным и законченным научным исследованием, написанным на должном уровне. Текст автореферата отражает содержание диссертации. Основные публикации, сделанные автором в научных периодических изданиях, в том числе в рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, дают цельное представление о проделанной работе.

Диссертационное исследование «Контркультурный протест “долгих шестидесятых” в США как национальный и трансатлантический феномен» соответствует паспорту научной специальности 5.6.2. – Всеобщая история и полностью отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям (пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденному постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г.

№ 842) и его автор, Роговцева Александра Сергеевна, заслуживает присуждения степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей и публичной истории
Института международных отношений, истории и востоковедения
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Шмелев Дмитрий Викторович

Дата составления отзыва: «16» февраля 2026 г.

Адрес места работы:

420008, Республика Татарстан г. Казань, ул. Кремлевская, 18
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Институт международных отношений, истории и востоковедения,
кафедра всеобщей и публичной истории
Тел.: +7 (843) 233-74-00, e-mail: public.mail@kpfu.ru

